

Ю · Р · И · Й

ПОЛЯКОВ

**ЧШ районного
масштаба**

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

Художественное оформление
Екатерины Фerez

Поляков, Юрий Михайлович.
П54 ЧП районного масштаба / Юрий Поляков. —
Москва : Издательство АСТ, 2020. — 256 с. —
(Эксклюзивная новая классика).

ISBN 978-5-17-117754-6

Популярнейшая повесть Юрия Полякова «ЧП районного масштаба» была впервые опубликована в журнале «Юность» в 1985 году. Она стала бестселлером и несколькими годами позже была экранизирована. Блестящий авторский стиль и динамичный, сатирический сюжет и сегодня не оставляют повесть без читательского внимания.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-117754-6

© Ю.М. Поляков, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2019

ЧП
РАЙОННОГО МАСШТАБА

На дне, между камнями, застыл пучеглазый морской ерш. Он и сам был похож на вытянутый, покрытый щетиной серых водорослей камень. Бурая подводная трава моталась в такт прокатывающимся на поверхности волнам и открывала пасущихся в чаще разноцветных рыбок. А еще выше — там, где, по мнению придонных жителей, находилось небо, — проносились эскадрильи серебристых мальков. И совсем высоко-высоко, на грани двух миров, ослепительное золото омывало синие тени медуз. Но на солнце даже из-под воды смотреть было невозможно.

Человек в маске и ластах зажмурился, потому что после взгляда вверх дно показалось темно-зеленым шевелящимся пятном. Потом, одной рукой крепче ухватившись за жесткие стеб-

ли водорослей и чуть-чуть выдвинувшись над скалой, он стал медленно подводить наконечник гарпуна к окаменевшему ершу. Чтобы выстрелить наверняка, острие нужно приблизить почти вплотную (очевидно, завод, где изготавливаются подводные ружья, — коллективный член Общества охраны природы).

Но в тот момент, когда, дернувшись в руке, ружье метнуло гарпун, ерш с реактивной скоростью рванулся с места и, оставляя за собой мутный след, исчез в расщелине. Гарпун, звякнув, отскочил от камня, и белый капроновый шнур, медленно изгибаясь, начал опускаться на дно.

Из дыхательной трубки с бульканьем взвились крупные пузыри: охотник выругался. Запас воздуха в легких кончился, но, прежде чем всплывать, человек обвел вокруг взглядом, запоминая место, где укрылся ерш, и вдруг снова вцепился в водоросли: на краю расщелины сидел здоровенный краб, похожий на инопланетный шагающий вездеход. Черными глянцевыми клешнями-манипуляторами он подносил что-то ко рту.

Сдерживая подступивший к горлу вдох, ныряльщик изо всех сил сжал зубами резиновый загубник трубки. Десять лет он занимался подводной охотой, но такого громадного черномор-

ского краба не видел, кажется, ни разу! Только бы не потерять скалу! Наверху — волны, пока отдышишься, может отнести в сторону. Обманывающая задыхающуюся плоть, охотник делал частые глотательные движения, но это уже не помогало.

Все! Сильно оттолкнувшись от скалы, вытянувшись в струну и до судороги в икрах работая ластами, он понесся вверх, к воздуху. Выскочив из воды по пояс, человек выплюнул загубник и несколько раз глубоко, до боли в легких, вдохнул. Перед глазами, застилая жаркое синее небо,плыли фиолетовые пятна, а к вискам приливала пугающая слабость. Постепенно взгляд прояснился, неуверенность исчезла, но дыхания все же не хватало, а сердце колотилось неестественно быстро и гулко.

Чтобы успокоиться, человек осмотрелся: метрах в двухстах от него виднелся пустынный каменный берег, три парня волокли выброшенную морем корягу, а далеко справа горбилась гора «Ежик», из зеленых колючек которого поднималась белая башня пансионата. У подножия «Ежика», между волнорезами, был большой пляж.

Возле оранжевых буйков, болтая в воздухе ластами, охотились за разноцветными камешками, мелкими рапанами бесстрашные ныряль-

щики. Еще дальше, покачиваясь на пестрых надувных матрацах и чувствуя себя, наверное, в открытом море, несколько смельчаков получали солнечные ожоги. Через равные промежутки времени усиленный мегафоном хриплый мужской голос с южным акцентом настойчиво звал их вернуться к берегу. А на горизонте, где, как дьяковвыпуклая линза, смыкались море и небо, виднелся силуэт теплохода.

Человек глубоко вздохнул, поправил маску, вставил в рот загубник и, погрузив лицо в воду, сразу отыскал знакомые очертания скалы. Так, распластавшись на волнах, он старался отдышаться, при этом не упуская из виду найденное место.

Это надо же! Весь отпуск проплавать там, где подводная мелочь вспоминает о ершах и крабах, как мы о мамонтах, и вот за три дня до отъезда напасть на такой заповедник! Черт с ним, с ершом, но краб-то, краб! Боевая клешня чуть не с ладонь, если упустишь — никто не поверит. Надо попытаться схватить рукой, а если не получится — выстрелить, хоть и жалко портить панцирь.

Подумав об этом, охотник упер рукоять пневматического ружья в живот и с натугой вдавил гарпун а дуло, потом втянул через трубку воздух, сложился пополам и, вскинув над по-

верхностью длинные черные ласты, ввинтился в воду.

Краб сидел на том же месте. Осторожно приблизившись, человек медленно и незаметно подвел к нему сзади руку и резко махнул ружьем перед черными стебельками крабьих глаз. Стебельки тут же нырнули в глазницы, а сам краб, словно неопытный вратарь перед прорвавшимся форвардом, широко распахнул объятия, но тут же был крепко схвачен. Охотник начал уже всплывать, но вдруг увидел, как, быстро перебирая суставчатыми ногами, к расщелине бочком убегает такой же громадный — или даже поболее — крабище. Закусив загубник и выбросив вперед руку с ружьем, человек извернулся за ним, выстрелил и проломил насквозь толстенный панцирь, потом за шнур подтянул к себе гарпун: краб сучил когтистыми ногами, а клешнями пытался перегрызть стальной прут. Из пробоины клубилось бурое облачко.

«Это уже я зря...» — хотел подумать охотник, но в голове что-то скрипнуло, рот наполнился соленой водой, а тело сделалось до дурноты легким и беспомощным. Через мгновение, выброшенный на поверхность, он увидел вокруг окаменевшую и накренившуюся зыбь моря. Вверху, на фоне безоблачного, цвета густой грозовой тучи неба сияло зеленое с кровавым обод-

ком солнце. И еще человек почувствовал, что больше не умеет плавать...

На далеком берегу еле слышно кричали маленькие люди, но еще страшней, чем недостижимость берега, была четырехметровая толща воды — теплая, светлая у поверхности и холодная, мрачная в глубине. А тем временем ум никак не мог объяснить плоти, что нужно делать. Тяжелое фиолетовое небо словно хотело вдавить человека в воду, и он, закричав, рванулся, отшвырнул все, что было в руках, и опрокинулся на спину. Сердце уже не билось, а сотрясало тело, и точно так же сотрясали сознание слова: «Нет-нет-нет-нет нет...» Солнечный свет дрожал и мерцал перед глазами, точно перегорающая электрическая лампочка. Казалось, одно резкое движение — и наступит темнота.

Еле шевеля ластами, человек на спине поплыл к берегу, один раз было оглянулся, и ему почудилось: суша не только не приблизилась — даже отдалилась. Тогда снова тело свела судорога беспомощности, а душу охватил утробный ужас. Больше уже не оглядываясь, даже зажмурившись, он все плыл и плыл, чуть перебирая непослушными ногами. Когда же спина коснулась скользких прибрежных камней, он замер, потом сел по пояс в воде и, наконец, повернул голову.

Прямо перед ним, суется на скрипучей гальке, двое парней пристраивали над огнем котелок. Третий, вскрывавший консервные банки, с любопытством уставился на подплывшего и улыбнулся:

— Ты, земляк, извини! Мы из твоих брюк сигареты взяли, а то тебя нет и нет. Петька уж смеялся: «Бери, мол! Он... то есть — ты... теперь не куришь, потому как утоп...». И парни жизнерадостно заржали над своей шуткой.

2

Человек ничком лежал на раскаленных камнях и пытался понять случившееся. Но, перебивая все остальное, словно громкая соседская музыка, в голове пульсировало: «Нет-нет-нет-нет-нет!» Выключить эти слова было нельзя — можно лишь отодвинуть в глубь сознания. Человек повернулся на спину, и на сомкнутые веки легла алая пелена полуденного солнца.

Оказывается, все очень просто. Не сумеи он справиться с оцепенением — моря, неба, скал, ребят у костра, неудобного камня, вдавившегося в поясницу, — ничего этого уже не было бы никогда! Подобное с ним случилось в армии, в полковом клубе, когда громким криком вызывали из темного кинозала заступающих в наряд,

а фильм крутился дальше, и обо всем, что произойдет после твоего ухода, можно лишь догадываться.

Интересно: а быстро бы его нашли? В пансионате сразу не хватятся, наверное, только к ужину или даже к завтраку. Но скорее всего первыми сообразят эти любители чужих сигарет: действительно, одежда давно лежит, а хозяин пропал... Дальше — загорелые джинсовые мальчики со спасательной станции, ненадолго оставив разомлевших от солнца и курортного обхождения девиц, прыгнут в лодку и сразу отыщут в прозрачной воде отдыхающего, который, говоря словами инструктора по плаванию, вздумал «шутить с морем»... Затем апатичные курортные врачи привычно повозятся с посиневшим телом, а спасатели, стараясь разогнать разбухающую толпу любопытных, примутся кричать: «Отойдите! Воздух... Ему нужен воздух!» Но люди будут все прибывать и прибывать, вставая на цыпочки, даже подпрыгивая, чтобы лучше видеть... Потом «скорая помощь» уже без sireны увезет утонувшего, но обитатели пляжа, подставив солнцу трудно загораемые места, еще долго и горячо станут обсуждать случившееся:

— Это тот высокий шатен... У него еще подводное ружье было. Донырялся...

— Говорят, жена и дочка маленькая остались. Еще ничего не знают!

— Ужас! Тоже моду взяли — поодиночке отдыхать... С ними приехал бы, может, и ничего не случилось!

— Начальство всегда поодиночке отдыхает. Он ведь, хоть молодой, а начальством работал. Говорят, секретарь райкома!

— Партии?

— Нет, комсомола, но все равно! Между прочим, он из вашего города!

— Нашего?! А из какого района?

— Говорят, Красно... Красно... Красно-пролетарского. Есть у вас такой?

— Господи, это же наш район! Ой, надо мужу рассказать — он из райкома их всех знает! А фамилия как?

— Мишулин или... Шумилин, кажется...

Потом? Потом какие-нибудь формальности, связанные со смертью человека, затем обратная дорога, как в том бунинском рассказе, — и ты единственный пассажир, которому наплевать на крушения и катастрофы... Затем — некролог в «Комсомольце» и похороны. Траурный митинг (наверное, в Клубе автохозяйства), грустное многословие, вызывающее мысли о том, как без такого человека может развиваться дальше мировая цивилизация. Духовой оркестр с печально